

КОЛПАШЕВО

М.С. Сысоева, О.М. Рындина

ДВЕ «МЯСОРУБКИ» *

(о семье Баймлер)

Маргарита Александровна Баймлер (в девичестве Грассер) родилась в 1892 году в Поволжье, на территории современной Саратовской области. Внучки звали её «кроссмама», т. е. «большая мама», выражали уважение за хозяйственность, ум и образованность. Её запомнили статной, строгой, редко улыбающейся, в тёмной длинной юбке. Она считалась грамотной: знала математику и хорошо считала в уме, так что свёкор доверял все покупки именно ей, полагаясь на её разум. Маргарита Александровна знала наизусть многие места из Библии, постоянно читала её. В Поволжье она жила в достатке, в большом двухэтажном кирпичном доме, с мужем, детьми и родителями мужа. Позднее, в 1960-х гг., в доме располагалась школа. Семья была большой – 8 детей, из них двое умерли в младенчестве. Муж, Адам Егорович Баймлер, заметил симпатичную умненькую девчущку. Уходя в русскую армию, наказал отцу Маргариты, с которым его семья жила по соседству: «Приду из армии – возьму в жёны Маргариту, пусть она меня ждёт». Так и получилось. Обвенчались они в 1910 г.

Дважды семья Баймлер попадала в «мясорубку»: сначала её раскулачили и сослали в какую-то соседнюю деревню, где разместили в землянке, и из большого хозяйства разрешили взять одну козу, да и ту потом отобрали. Маргарита Александровна глубоко переживала случившееся, боялись даже, что она сойдёт с ума. В 1931 г. умер Адам Егорович, и на руках у Маргариты Александровны осталось 6 детей: 4 дочери и 2 сына, младшему шёл 4-й год. Среди них и дочь Ида, родившаяся 20 марта 1927 г. в селе Зельман (ныне – Ровное),

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

что расположено в Ровенском районе Саратовской области. До войны она окончила 7 классов.

В 1941 г. последовал новый удар – 12 сентября выслали из Поволжья как лиц немецкой национальности на спецпоселение сначала на территорию современной Кемеровской области, а потом – в Томскую область. Старший сын Константин (1912 г. рождения) был в это время в трудармии, в Копейске Челябинской области. Сестра Миля (1921 г. р.) обучалась в Саратове в фабрично-заводском училище, и её не выслали. В Сибирь отправили Маргариту Александровну, дочерей Паулину (1924 г. р.) и Иду и сына Иосифа (1929 г. р.). Дочь Минна (1915 г. р.) вышла замуж за немца и тоже была выслана с семьёй. Очевидно, узнавали о выселении заранее, потому что немецкие девушки, которые не хотели выезжать, срочно выходили замуж за русских, брали русскую фамилию, и их не трогали. С собой Баймлеры взяли минимум вещей, лишь то, что могли унести в руках, – главным образом одежду и документы. Так как семья после раскулачивания и потери хозяина жила бедно, возможно, и брать-то особо нечего было. Везли в «телячьих» вагонах. Если кто выбегал за кипятком на останках, мог и остаться, потеряться. Так Баймлеры потеряли Минну. Как это произошло, сейчас уже трудно восстановить, но сохранились сведения о том, что она со своей семьёй оказалась в вагоне, который отцепили и оставили на территории современной Кемеровской области.

В Нарымском крае Маргариту Александровну с детьми сначала отправили в Чалково, где находился лесозаготовительный пункт, там их разместили в бараке. Работали на валке леса – полуголодные, полураздетые, спали на полу по 40 человек. Лес валили практически одни женщины, среди них было много немок. Когда немцы попадали в Тогур, то неподдельно радовались: хотя и там была тяжёлая работа, но всё-таки не лес! Из Чалково немецкую молодежь направили в Тогур на лесозавод. Коснулось это и детей Маргариты Александровны. Мать всё бросила и отправилась вслед за своими детьми, Паулиной, Идой и Иосифом.

Как следует из документов, они прибыли в Тогур в октябре 1942 г. О прибытии семьи Баймлер в Тогур рассказывал В. Бредель, тоже высланный ранее с родителями. Он хорошо помнит, как на территорию завода, рядом со складом готовой продукции, привезли немецкую семью – женщину с двумя девочками и парнишкой, ко-

торые грызли морковь и спорили друг с другом. В. Бредель погрузил на телегу их немудрёный скарб и отвёз всех в немецкий барак, который между собой называли «Берлин», так как туда заселяли прибывших немцев.

В Тогуре Маргарита Александровна какое-то время работала на рынке, занималась копать картошку, белить, штукатурила корпус детского дома. Умерла в мае 1963 года. Реабилитирована посмертно. Пережив удары судьбы: раскулачивание, голод, смерть мужа, двоих детей, высылку в Сибирь, потеряв всё нажитое, она держалась достойно, никого не виня, благодарила Бога за встречу со старшими детьми, которые нашли её уже после войны, в 1953–1956 гг.

Баймлер Паулина Адамовна до войны окончила школу и один курс педучилища. Всю жизнь проработала бракёром на Кетском лесозаводе. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Со спецучёта снята 2 февраля 1956 г. С гражданским мужем Карлом Флеммингом прожила до рождения второй дочери, больше замуж не выходила. Воспитала двух дочерей – Магдалину (1951 г. р.) и Эльвиру (1953 г. р.). Была глубоко верующим человеком. Умерла в 2006 г., похоронена в Тогуре.

Баймлер Иосиф Адамович 12-летним подросткам пошёл работать на Кетский лесозавод. Прошёл путь от подсобного рабочего до главного инженера Кетского лесопромышленного комбината. Вместе с женой, Эллой Андреевной Баймлер, воспитал четырёх сыновей: Константина (1959 г. р.), Александра (1961 г. р.), Владимира (1966 г. р.) и Иосифа (1969 г. р.). Умер в 1987 г., похоронен в Тогуре.

Дети Маргариты Александровны, Константин, Миля и Минна со своими детьми, приезжали в Тогур только в гости. Их приезд врезался в память внучке Татьяне: «Мне лет пять. Лето. Мама несколько дней говорит о гостях, которые едут, плачет. Телефонов, конечно, нет. Кто-то прибежал, сказал, что гости уже у «кроссамы». Она со старшей дочерью Паулиной, младшим сыном Иосифом и внучками живёт в «немецком» бараке, в Заводском переулке, недалеко от нас. Я бегу первой в лёгком ситцевом платье, в сандалиях на босу ногу... Нарядные (городские): в крепдешиновом платье, с красивой прической – тётя Миля, в костюме – дядя Давид, её муж. Одеты попроще тётя Минна с дедом и внуком и дядя Костя с детьми – Элей и Толи-

ком. Глаза разбегаются! Все весело смотрят на меня. «Кроссмама» говорит: «Это старшая Идина – Таня». Дядя Костя подхватывает меня на руки и целует. Следом прибегает мама с Ниной на руках. Наконец-то все вместе! Впервые после войны. Обнимаются, смеются, плачут. Какое счастье!»

Константин после трудармии остался жить в Челябинске, работал в производственном объединении «Трубдеталь» арматурщиком. У него родились две дочери и два сына, семь внуков, правнуки. Умер в 1973 году.

Минна Рот (Баймлер) долгое время жила в Анжеро-Судженске Кемеровской области, потом переехала к внучке в Челябинск. Работала вахтёром, шила на заказ вещи. У неё была дочь Валентина, а сын умер в младенчестве, во время переселения с Поволжья. Росли два внука, внучка. Умерла в 1989 году.

Эмилия Петерс (Баймлер) сначала жила в Саратовской области, потом – в Узбекистане. Работала директором ресторана, начальником детского лагеря. Умерла в 1989 году.

Дочь Маргариты Александровны, Иду, в Тогуре определили работать на Кетский лесозавод, ей шёл 15-й год. Это произошло в 1942 году, но запись в трудовой книге начинается с 8 мая 1943 г., возможно, потому, что на малолетних документы не оформляли. В трудовой книжке Иды Адамовны записано, что принята на Кетский лесозавод треста Запсибдрев рабочей на биржу сырья, потом – сортировщицей в ДООЦ (деревообрабатывающий цех), позже – бракёром. На заводе она проработала 18 лет. Трудились по 10–12 часов, без выходных и отпусков, жили по лозунгу «Всё для фронта, всё для Победы!». Весной и летом, когда приходили баржи, надо было после трудовой смены вручную загрузить их деловой древесиной – это ещё несколько часов работы, так называемая «плечевая». Сейчас трудно представить, как молодые женщины на своих хрупких плечах носили тяжёлые плахи по шатким мосткам. Приходили домой, падая от усталости, но молодость брала своё. Если звучала музыка – хотелось потанцевать, и после тяжёлой работы выходили на круг. Ида Адамовна вспоминала, как «протанцевала» калоши, которые были куплены по случаю и считались «писком моды». На пятке оказалась дырка, и, чтобы бабушка не ругала, она аккуратненько поставила их под топчан.

Раньше в Тогуре весь берег был завален штабелями леса, и всюду стояли краны-краны-краны. Жили Баймлеры-Бобровы недалеко от берега, где располагался лесозавод. Завод работал в три смены. Так как дом находился сразу за территорией завода, от работы пилорамы тряслись стекла в окнах и посуда в буфете. Миля, старшая сестра Иды Адамовны, приехавшая погостить из Узбекистана, подумала, что случилось землетрясение. Лес грузили на баржи круглосучочно, отправляли его и за границу и по стране. Вся жизнь Иды Адамовны и её мужа была связана с заводом, а сейчас там поднялся лес – сразу за усадьбой растут берёзы.

До 1956 года все немцы состояли на учёте в комендатуре. Надо было ходить пешком в любую погоду из Тогура в Колпашево и отмечаться, и не дай Бог, опоздать на работу. Однажды Ида Адамовна опоздала на 15 минут, и ей объявили выговор. Выработав к 34 годам необходимый стаж (год работы во время войны засчитывался за два), в июле 1961 года по состоянию здоровья ушла на пенсию: сильно болела спина – был травмирован позвоночник. Ида Адамовна в молодости была очень ловкая, и когда посылали работать на сплав, то она ловче многих перепрыгивала с бревна на бревно с багром. Возможно, там и повредила позвоночник. Соседи, не знавшие её с молодости, думали, что она вообще не работала на производстве. У неё всегда была работа по дому: держали корову, а то и две, телят, поросят, сажали большой огород. При оформлении пенсии выяснилось, что один год стажа ей не засчитали, поэтому пришлось работать ещё год сторожем на лесозаводе. Как и многих немцев, Иду Адамовну в 1991 г. наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Муж Иды Адамовны, Иван Григорьевич Бобров, родился в 1928 г. в Алтайском крае – село Нечунаево Шипуновского района. Семью родителей в 1930 г. раскулачили и сослали в Могильный Мыс, откуда потом переслали в Тогур. Здесь и познакомились Ида и Иван. Он был видным парнем, играл на гармошке на вечерках возле «Берлина». «Девоч у него было не мерено», а Ида гордо сказала: «А меня ты так запросто не возьмёшь». В молодости она была весёлой, задорной, любила бывать на вечерках, петь частушки, которых знала сотни, плясать, «дробь бить». Ну, Иван и ходил вокруг неё кругами и выходил. В это время он строил дом на берегу в Тогуре и загадал: «Если судьба – женюсь на Иде».

И в этот дом в итоге он и привёл девушку. Многие ей завидовали: вышла замуж за русского, и сразу – в свой дом. В доме родилось трое детей: Татьяна (1954), Нина (1957) и Владимир (1965). Супруги работали в разные смены, чтобы по очереди сидеть с детьми. Прожили вместе 43 года, вырастили детей. В последние годы Ида Адамовна часто болела: здоровье было подорвано непосильным трудом с юности. Умерла 5 марта 1997 года, не дожив две недели до 70-летнего юбилея.

Дочь, Нина Ивановна, окончила Томский лесотехнический техникум, по распределению мужа уехала в Каргасок и там работала воспитателем в детском садике, позже с семьей переехала в пос. Дальнее Колпашевского района, где уже жила сестра Татьяна. После закрытия лесопункта переехали жить в Тогур, где работала на лесозаводе. В настоящее время живёт в Тогуре, работает продавцом в магазине. У неё две дочери, четыре внучки. Награждена медалью «Ветеран труда» и знаком «За активное участие во Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года».

Сын, Владимир Иванович, окончил Красноярский технологический институт, по профессии инженер-механик. Обосновался в Тогуре, с женой Ириной воспитали троих детей. Сейчас он работает начальником Колпашевского участка ООО «Стройгаз», уже дед.

Дочь, Татьяна Ивановна, окончила Томский государственный педагогический институт по специальности учитель русского языка и литературы. По распределению попала в посёлок Дальнее. Там и познакомилась с будущим мужем – Виктором Дмитриевичем Токаревым. В 1979 г. родилась первая дочь Светлана, в 1982 г. – вторая дочь Алёна. Когда дочери подросли, Токаревы переехали в Колпашево. Здесь Татьяна Ивановна работала в Центральной библиотеке, а затем, до выхода на пенсию, – заместителем директора по воспитательной работе в профучилище № 29. Она – «Ветеран труда Томской области». Обе её дочери получили высшее образование. Светлана живёт в Колпашево, в семье растёт сын Виктор, в 2015 г. родилась дочка Татьяна, которую назвали так в честь бабушки. К слову сказать, имена играют важную роль в сохранении памяти о родословной: одну из внучек Минны в четвёртом поколении назвали Маргаритой в честь её матери. Младшая дочь Алёна окончила Томский политехнический университет. Живёт в Томске, замужем, растит сына Ивана, названного в честь деда.

Татьяна Ивановна с увлечением занимается историей своей семьи: составляет альбомы, посвящённые её членам, собирает информацию об их жизненном пути. Во многом на её записях и построена настоящая статья.

Религиозная жизнь в семье Татьяны Ивановны была неоднозначной. О вероисповедании бабушки по матери, Маргариты Александровны, судить сложно, но скорее всего она была католичкой. Она, как было сказано выше, рано овдовела. Когда хоронила мужа, жили в страшной нужде, и не на что было купить крест, чтобы поставить ему на могилу. Бабушка наказывала похоронить её с двумя крестами, и отец Татьяны Ивановны, Иван Григорьевич, выполнил её волю: сделал два железных креста, для неё и мужа. Кресты и по сей день стоят на её могилке. Мать, Ида Адамовна, говорила: «Бог един, надо только верить», – и каждый вечер молилась по-немецки, но Татьяна Ивановна не помнит, как она крестилась. Её сестра Паулина приняла православие. Бабушка Татьяны Ивановны по линии отца, Мария Ивановна, была православной. Саму Татьяну Ивановну в трёхмесячном возрасте крестили в Тогуре, в православной церкви. Инициатива исходила от бабушки по линии отца.

В Тогуре немцы жили дружно, держались вместе, потому что своих легче понять, с ними легче поделиться общими проблемами. Татьяна Ивановна с детства помнит немецкие фамилии: Мария Карп, Лилия Герб, Полина Бредель, Лицких, Кильман, Ульрих, Флемминг, Гертнер и др. Русские девушки, даже испытывая симпатию к немецким парням, не всегда соглашались дружить с ними, так как их отцы воевали с немцами.

К отличительным чертам немецких женщин Татьяна Ивановна отнесла занятие рукоделием. Её бабушка, мама и тётушки могли скроить и сшить любое платье, хотя никто их этому специально не обучал. Они прекрасно вышивали, выбивали. Бывало, «выбросят» в сельпо свежий штапель, её мама, Ида Адамовна, купит отрез, ночь посидит, а утром её дочь уже красуется в новом платье. Пристрастие немцев к порядку в доме известно всем, при этом многие отмечают совершенно особое отношение к кровати. *"Её заправляли, как будто совершали ритуал: на матрас ровненько стелили два-три одеяла, обязательно выпускали узорные края подзоров. Мама специально заказывала их. Красивое покрывало*

было предметом семейной гордости. Тётя Миля прислала из Ферганы, где она тогда жила, два верблюжьих одеяла – сиреневое и оранжевое, с цветами. Таких красивых покрывал тогда ещё не было ни у кого из знакомых. Их Татьяна Ивановна запомнила на всю жизнь, как что-то сказочное. На заправленную кровать никому не позволялось садиться, чужим не разрешалось спать на стоявших в доме кроватях". Вещи хранились в самодельных фанерных чемоданах и сундуках.

К элементам немецкой культуры Татьяна Ивановна отнесла традиционную кухню, прежде всего выпечку: «квикельте» – пирог, «кигельди» – маленькие сладкие лепёшки, большие пироги, посыпанные пережаренной мукой, пироги с яблоками, сухофруктами. «Штрюли» – толстые галушки на пару, которые кладутся поверх капусты, тушащейся со свиными косточками. Тесто для них делается на простокваше. Немцы не пили чай, а варили кисель, компот, компот с галушками, какао.

На «немецкое» Рождество, которое отмечали 25 декабря, славили: ходили к родственникам, приветствовали их, читая стихи на немецком языке, за это получали конфеты и «копеечки». Русское Рождество отмечали 7 января. Ёлку ставил отец посередине комнаты 23 декабря, в день рождения Татьяны. На Пасху принято было класть под стол шапки, и зайчик должен был положить в них подарки – яйца, покрашенные луковой шелухой. Русский отец клал в шапки конфеты и сахар и говорил: «Зайчик принёс».

На немецкую свадьбу положено было украшать костюмы жениха и невесты белыми лентами, бантами, надевать на невесту венок из «бумажных цветов». По крайней мере, так было на свадьбе у брата Иосифа, которую праздновали в 1958 г.

При маме Иды Адамовны, Маргарите Александровне Баймлер, все говорили в семье на немецком языке, так как она плохо говорила по-русски. Говорили по-немецки до тех пор, пока была жива мама и пока к ней в гости приходили подруги, приезжали сёстры Мина и Миля. Разговаривали на диалекте немецкого языка. Когда собирались родственники, пели красивые песни на немецком языке. Татьяне бабушка по отцу в детстве запрещала говорить по-немецки: «Будешь говорить – язык отрежу». Мать, Ида Адамовна, из-за этого то плакала, то ругалась. Будучи школьни-

цей, Татьяна понимала немецкую речь. Дочь Татьяны Ивановны, Светлана, изучала немецкий в школе, в 10-м классе ходила на курсы языка, организованные Российско-Немецким домом, учила немецкий и в институте.

В Германию никто из семьи Баймлер переезжать никогда не собирался, даже мысли такой не было, несмотря на то, что подруга матери, тётя Маша Карп переехала с семьёй на жительство в Германию и прожила там на 20 лет дольше.